

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Народное творчество (Фольклор)

Русские народные сказки

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42566999
Русские народные сказки илл. И. Я. Билибина:

Аннотация

Русские народные сказки, оформленные Иваном Яковлевичем Билибиным, – единственные в своём роде. Они создают неповторимо трогательную атмосферу волшебства, которая сопровождает нас с самого детства до глубокой зрелости. Для многих поколений читателей имя художника неразрывно связано с миром сказок, былин, с образами Древней Руси.

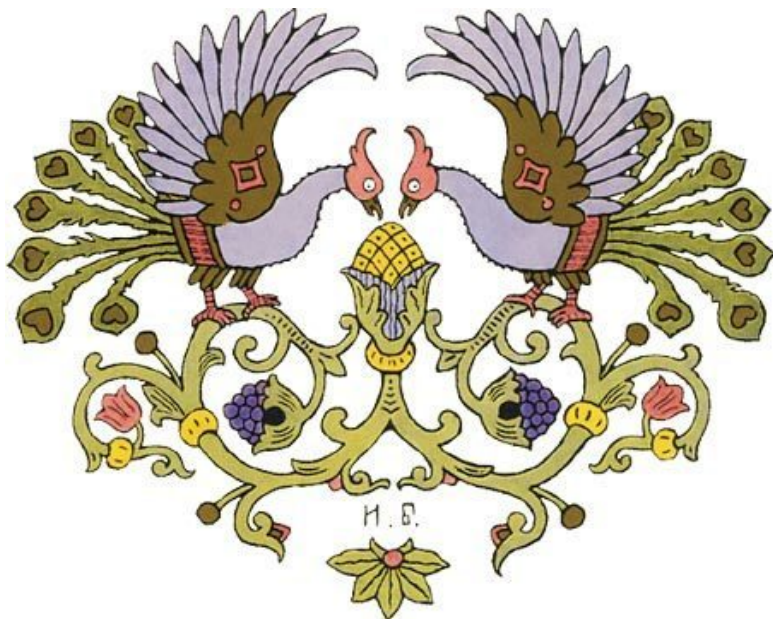
Содержание

Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке	6
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка	30
Белая уточка	39
Пёрышко Финиста – Ясна сокола	49
Василиса Прекрасная	72
Царевна-лягушка	96
Марья Моревна	114

Русские народные сказки

илл. И. Я. Билибина

***

И. БИЛБИРИНЪ.

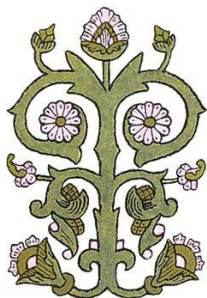
1903 г. 04.

Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке

СКАЗКА
ОБ
Иване-царевиче, Жар-птице
и о Сером Волке

КАЗКА
ОБ
ИВАНЕ-ЦАРÉВИЧЕ,
ЖАР-ПТИЦЕ И
О СЕРОМ ВÓЛКЕ.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый – Димитрий-царевич, другой – Василий-царевич, а третий – Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было. В том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов; и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые.

Повадилась к царю Выславу в сад летать Жар-птица; на

ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с неё золотые яблочки и опять улетала.

Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, поэтому призвал к себе трёх своих сыновей и сказал им:

– Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моём саду Жар-птицу? Кто изловит её живую, тому ещё при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и всё.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

– Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великой радостью будем стараться поймать Жар-птицу живую.

На первую ночь пошёл караулить в сад Димитрий-царевич и, усевшись под ту яблоню, с которой Жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та прилетала и яблочек весьма много ощипала.

Полуночь царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

– Нет, милостивый государь-батюшка! Она в эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошёл в сад караулить Жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблоню и, сидя час и другой

ночи, заснул так крепко, что не слышал, как Жар-птица прилетала и яблочки щипала.

Поутру царь Выслав призвал его к себе и спросил:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

– Милостивый государь-батюшка! Она в эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошёл в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблоню. Сидит он час, другой и третий – вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещён был: прилетела Жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил её за хвост, однако не мог её удержать: Жар-птица вырвалась и полетела. Осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Поутру, лишь только царь Выслав ото сна пробудился, Иван-царевич пошёл к нему и отдал ему пёрышко Жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хоть одно перо достать. Он положил то пёрышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор Жар-птица не летала уже в сад. Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

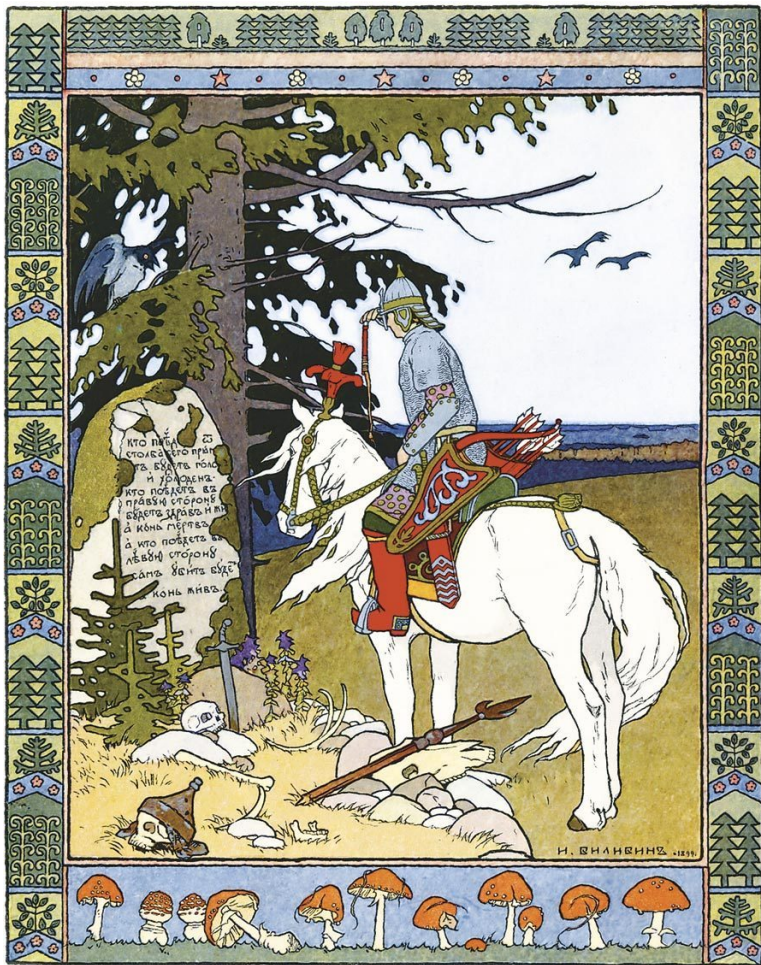
– Дети мои любезные! Поезжайте, отыщите Жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то получит тот, кто Жар-птицу ко мне привезёт.

Осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из

Старшие сыновья поехали отыскивать Жар-птицу, а Ивана-царевича царь по младости его не хотел отпускать. Однако сколько царь Выслав ни старался удержать Ивана-царевича, но никак не смог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал коня и отправился в путь. Едучи путём-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зелёные луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбе написаны слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Иван-царевич прочёл эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий – вдруг вышел ему навстречу пребольшой Серый Волк, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошёл прочь в сторону.

«Кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв»

Иван-царевич очень сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошёл пеший. Он шёл целый день, устал несказанно и только хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его Серый Волк и сказал ему:

– Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на Серого Волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал Серому Волку, куда ему ехать надобно. Серый Волк помчался с ним пуще коня и через некоторое время, как раз ночью, привёз Ивана-царевича к каменной стене, остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, слезай с меня и полезай через эту каменную стену. Тут за стеной сад, а в том саду Жар-птица сидит в золотой клетке. Ты Жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмёшь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел Жар-птицу в золотой клетке. Вынул птицу из клетки и пошёл назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял Жар-птицу без клетки, куда я её посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку – то вдруг пошёл стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены.

Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, пойма-

ли Ивана-царевича с Жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

– Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, из которой земли? Какого отца сын и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

– Я сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя Жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти всё дерево испортила. Для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать Жар-птицу и к нему привезти.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, – молвил царь Долмат, – пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе Жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моём государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу – съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прошу и Жар-птицу тебе с великой честью отдам.

Иван-царевич в великой печали пришёл к Серому Волку и рассказал обо всём, что ему царь Долмат говорил.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему Серый Волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

– Виноват я перед тобой, – сказал Волку Иван-царевич.

– Добро, быть так! – молвил Серый Волк. – Садись на меня, на Серого Волка; я тебя свезу, куда тебе надобно.

Иван-царевич сел Серому Волку на спину, а Волк побегал так скоро, аки стрела. Бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, Серый Волк

Ивану-царевичу сказал:

– Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни и бери коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты её не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступив в белокаменные конюшни, взял коня и пошёл было назад; но увидел на стене золотую узду и так на неё прельстился, что снял её с гвоздя. И только снял – как вдруг пошёл гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены.

Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Иван-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать:

– Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, какого отца сын и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

– Я сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! – сказал ему царь Афрон. – Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моём государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты послужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с зо-

лотой уздой честно отдам.

Иван-царевич обещался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а сам пошёл из палат его и горько заплакал. Пришёл к Серому Волку и рассказал всё, что с ним случилось.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему Серый Волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

– Виноват я пред тобой, – сказал Иван-царевич.

– Добро, быть так! – продолжал Серый Волк. – Садись на меня, на Серого Волка; я тебя свезу, куда тебе надобно.

Иван-царевич сел Серому Волку на спину, а Волк побежал так скоро, как стрела. Бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и наконец прибежал в государство королевы Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решётке, которая окружала чудесный сад, Волк сказал Ивану-царевичу:

– Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с Серого Волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зелёным дубом.

Иван-царевич пошёл, куда ему велено. Серый же Волк сел близ той золотой решётки и дожидался, покуда пойдёт прогуляться в сад королева Елена Прекрасная. К вечеру, когда в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она подошла к тому месту, где сидел Серый Волк, он перескочил через решётку в сад,

ухватил королевну Елену Прекрасную и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зелёный дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

– Иван-царевич, садись поскорее на меня, на Серого Волка!

Иван-царевич сел на него, а Серый Волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки, и мамки, и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасной королевной Еленой, побежали тотчас во дворец и послали в погоню; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на Сером Волке вместе с Еленой Прекрасной, возлюбил её сердцем, а она – Ивана-царевича. И когда Серый Волк прибежал в государство царя Афрона, царевич весьма запечалился и начал слёзно плакать. Серый Волк спросил его:

– О чём ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

– Друг мой, Серый Волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать её царю Афрону за коня златогривого.

– Служил я тебе много, Иван-царевич, – сказал Серый Волк, – сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич, я обернусь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого. И когда ты уедешь

далеко, я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; тогда ты меня вспомяни – и я опять у тебя буду.

Серый Волк вымолвил эти речи, ударился о сырую землю – и стал прекрасной королевой. Иван-царевич взял Серого Волка, пошёл во дворец к царю Афрону, а Елене Прекрасной велел дожидаться за городом.

Когда Иван-царевич пришёл к царю Афрону, тот принял ложную королеву, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собой Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата.

Серый же Волк пришёл к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Отвечал ему царь Афрон:

– Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя всё сделаю.

И тотчас приказал нянюшкам, и мамушкам, и всем придворным боярыням с прекрасной королевой идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путём-дорогой с Еленой Прекрасной, разговаривал с ней и забыл было про Серого Волка, да потом вспомнил. Вдруг откуда ни возьмись – стал Волк перед Иваном-царевичем и сказал:

– Садись, Иван-царевич, на меня, на Серого Волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом.

Когда Иван-царевич пришёл к царю Афрону, тот принял ложную королеву

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, почти доехав до того государства, остановились. Иван-царевич начал просить Серого Волка:

– Слушай ты, друг мой любезный, Серый Волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи и последнюю: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого вместо этого, потому что с этим златогривым конём мне расстаться не хочется?

Вдруг Серый Волк ударился о сырую землю – и стал конём златогривым. Иван-царевич оставил прекрасную королеву Елену в зелёном лугу, сел на Серого Волка и поехал во дворец к царю Долмату. Тот увидел Ивана-царевича, вышел из палат своих, встретил его на широком дворе, взял его за правую руку и повёл в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дня, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу Жар-птицу в золотой клетке. Царевич взял Жар-птицу, пошёл за город, сел на коня златогривого вместе с Еленой Прекрасной и поехал в своё отечество, в государство царя Выслава Андроновича.

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в государство царя Долмата

Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить. Он велел его оседлать, потом сел на него, поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как тот сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в Серого Волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

– Иван-царевич! – сказал он. – Садись на меня, на Серого Волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в путь. Как скоро довёз Серый Волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верой и правдой. Вот на сём месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довёз тебя. Слезай с меня, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый Волк вымолвил эти слова и побежал в сторону, а Иван-царевич поехал в путь свой с прекрасной королевой. Долго ли, коротко ли ехали они и, не доехав до своего государства, остановились и легли отдохнуть от солнечного зноя под деревом. В то самое время братья Ивана-царевича, не найдя Жар-птицы, возвращались в своё отечество с порожними руками. Нечаянно наехали они на своего сонного бра-

та Ивана-царевича с прекрасной королевной Еленой. Увидев коня златогривого и Жар-птицу в золотой клетке, вздумали они брата своего Ивана-царевича погубить. Димитрий-царевич вынул из ножен меч, заколол Ивана-царевича и разрубил его на части. Прекрасная королевна Елена проснулась, увидела мёртвого Ивана-царевича, крепко испугалась и стала плакать горькими слезами. Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к её сердцу и сказал:

– Ты теперь в наших руках; мы повезём тебя к нашему батюшке, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и Жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещала им, что будет говорить так, как ей велено. Тогда царевичи начали метать жребий. И жребий пал, что прекрасная королевна должна достаться Василию-царевичу, а конь златогривый – Димитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял Елену Прекрасную, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял Жар-птицу, чтобы вручить её родителю своему, царю Выславу Андроновичу.

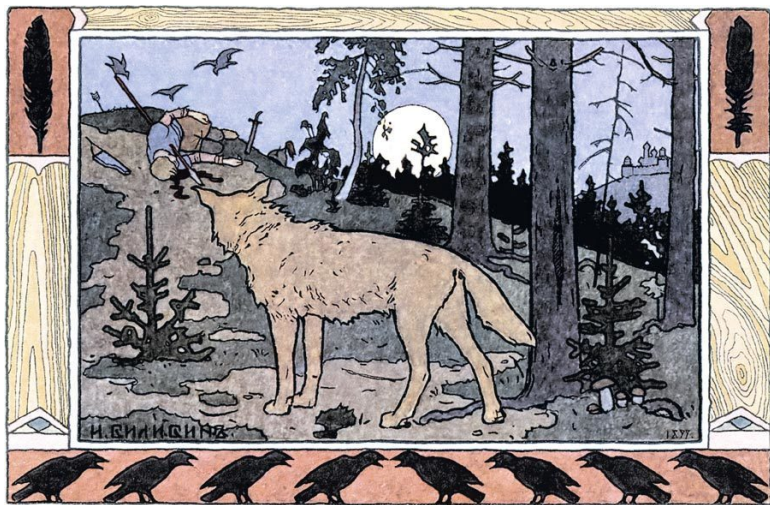
Царевичи уехали, а Иван-царевич лежал мёртвый. Набежал на него Серый Волк, узнал он по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему – оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел Серый Волк ворона и двух воронят, которые летали над трупом Ивана-царевича. Серый

Волк спрятался за куст, и как только воронята спустились на землю, он выскочил из-за куста, схватил одного воронёнка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от Серого Волка и сказал ему:

– Ох ты гой еси, Серый Волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

– Слушай! – молвил Серый Волк. – Я твоего детища не трону и отпущу, когда ты мне послужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство и принесёшь мне мёртвой и живой воды.

Выслушав эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из

виду. На третий день он вернулся и принёс с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мёртвая. Серый Волк взял пузырьки, разорвал воронёнка надвое, sprыснул его мёртвой водой – воронёнок сросся, sprыснул живой водой – воронёнок встрепенулся и полетел. Потом Серый Волк sprыснул Ивана-царевича мёртвой водой – его тело срослось, sprыснул живой водой – Иван-царевич встал и промолвил:

– Ах, как я долго спал!

На то сказал ему Серый Волк:

– Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и Жар-птицу увезли с собой. Теперь садись на меня, на Серого Волка, я тебя донесу в твоё отечество. Ведь брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте – на прекрасной королевне Елене.

Иван-царевич сел на Серого Волка. Волк помчался в государство царя Выслава Андроновича и долго ли, коротко ли, прибежал к городу. Иван-царевич слез с Серого Волка, отправился в город и застал свадебный пир. Иван-царевич вошёл в палаты, и как только Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

– Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал пре-

красную королеву Елену спрашивать, о чём она говорила. Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду. Царь Выслав весьма осердился на царевичей Димитрия и Василия и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королеве Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого даже единой минуты пробыть не могли.

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Жили-были себе старик и старуха; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вот старик со старухой умерли, и остались дети одни.

Пошли однажды брат с сестрой на базар. Идут они по по-

лям, по лесам. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Вдруг видят пруд, а около пруда пасётся стадо коров.

– Сестрица Алёнушка, напьюсь я водицы из пруда! – говорит Иванушка.

– Не пей, братец, а то телёночком станешь.

Послушался братец, и пошли они дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Вышли они к реке, а около ходит табун лошадей.

– Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется!

– Не пей, братец, а то жеребёночком станешь.

Иванушка и на этот раз послушался, и пошли они дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Шли они, шли, видят – озеро, а около него гуляет стадо коз.

– Ах, сестрица, мне страшно пить хочется, напьюсь я водицы из озера!

– Не пей, братец, козлёночком станешь.

Не вытерпел Иванушка, не послушался сестры, напился водицы из озера и стал козлёночком. Алёнушка обвязала его шёлковым поясом и повела с собою, а сама идёт, горько плачет, слезами заливается.

«Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется!»

Козлёночек бегал, бегал да забежал к царю в сад. Люди увидели и тотчас доложили царю, что у него в саду козлёночек, и держит его на поясе девица, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь приказал спросить, кто она такая.

– Так и так, – говорит Алёнушка, – были у нас бабушка и матушка, да умерли; остались мы, дети: я да вот братец мой – Иванушка. Он не утерпел, напился водицы и стал козлёночком.

Люди доложили всё это царю. Царь позвал Алёнушку, расспросил обо всём; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сыграли свадьбу и стали жить-поживать. И козлёночек с ними – гуляет себе по саду, а пьёт и ест вместе с царём и царицей.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Алёнушка больная, худая да бледная. На царском дворе всё приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блёкнуть. На другой день царь снова уехал, а колдунья опять пришла и пообещала вылечить царицу. Она отвела Алёнушку на берег моря, навязала ей на шею камень и толкнула в воду, а сама оборотилась царицею и возвратилась во дворец. Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова.

Собрали на стол и сели обедать.

– А где же козлёночек? – спрашивает царь.

– Я не велела его пускать, – говорит колдунья. – От него

так и несёт козлятиной!

Когда царь снова уехал, колдунья начала козлёночка бить-колотить и грозить ему:

– Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать.

Приехал царь. Колдунья так и пристаёт к нему:

– Прикажи да прикажи зарезать козлёночка; он мне надоел, опротивел совсем!

Царю жалко было козлёночка, да делать нечего – так она упрашивала, что царь наконец согласился и позволил его зарезать.

Видит козлёночек: уж начали точить на него ножи булатные. Заплакал он, побежал к царю и просится:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь пустил его.

Козлёночек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бёрежек.

Огни горят горючие,

Котлы кипят кипучие,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Лютá змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился назад. Посередь дня
опять просится он у царя:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь пустил его.

Вот козлёночек прибежал к морю и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережек.
Огни горят горячие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Люта́ змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился домой. Вот попросился козлёночек в третий раз:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь отпустил его, а сам думает: «Что бы это значило, козлёночек всё бегает на море?» Пошёл он за козлёночком следом. Приходит к морю и слышит – козлёночек вызывает сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережек.

Огни горят горячие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему из воды отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Шелковá трава ноги спутала,
Лютá змея сердце высосала!

Козлёночек опять начал вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил её, сорвал с шеи камень, вытащил Алёнушку на берег, да и спрашивает, как это случилось? Она ему всё рассказала. Царь обрадовался, в саду всё зазеленело и зацвело. А козлёночек так и прыгает, так и прыгает. От радости перекинулся он три раза через голову и снова обернулся мальчиком Иванушкой.

Колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костёр и сожгли её.

После того царь с царицей да с братцем Иванушкой стали жить да поживать да добра наживать.

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне. Не успел он ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо

было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть!

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить. Князь уехал, она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная! Но на самом деле она была злой ведьмой, которая задумала погубить молодую княгиню.

– Что, – говорит женщина, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала, что по саду походить – невелика беда, и пошла.

И. БИЛБИНЫНЪ. 1902.

Князь уехал, она заперлась в своём покое и не выходит

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

– Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная – так и плещет. Не искупаться ли нам здесь?

– Нет, нет, не хочу! – А сама подумала: «Ведь искупаться не беда».

Скинула она сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине:

– Плыви ты, – говорит, – белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул – она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

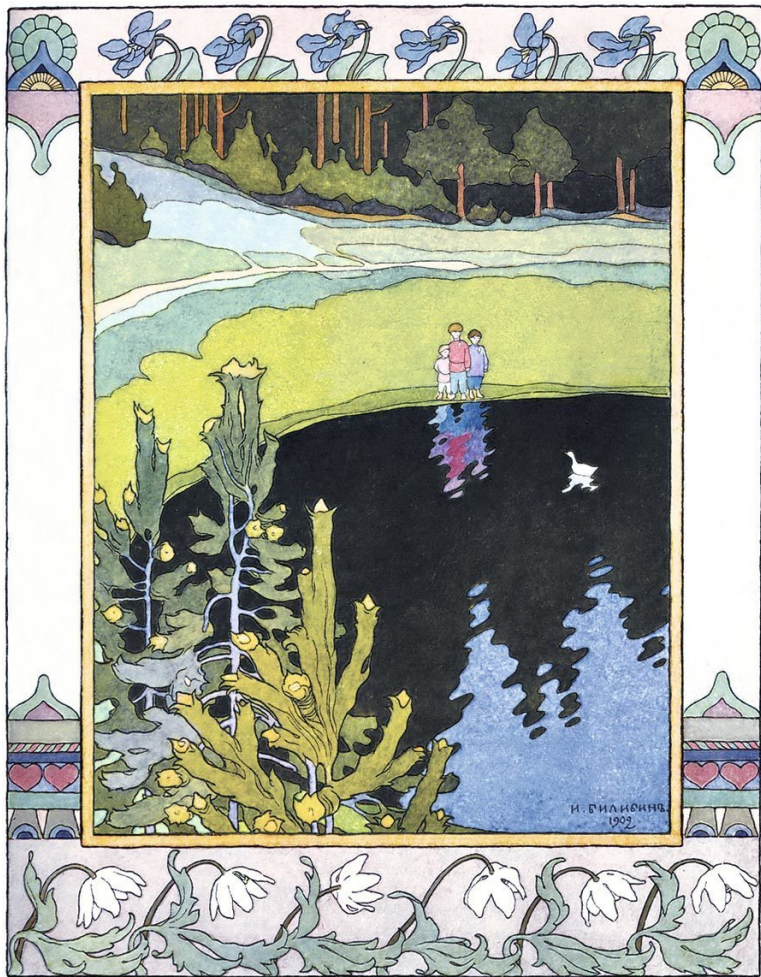
А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки её вышли – ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

– Ох, не ходите туда, дети! – говорила мать.

Дети не слушали. Нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила, напоила и спать уложила, а сама велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хоро-

ших, а третьего заморышка

Легли два братца и заснули, – а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить – заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

– Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

Мы спим не спим, думу думаем,
Что хотят нас всех порезати;
Огни кладут калиновые,
Котлы висят кипучие,
Ножи точат булатные!

«Не спят», – подумала ведьма и ушла. Походила-походила, опять под дверь:

– Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек опять говорит то же:

Мы спим не спим, думу думаем,
Что хотят нас всех порезати;
Огни кладут калиновые,
Котлы висят кипучие,
Ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» – подумала ведьма, отворила

потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном.

Была у ведьмы припасена рука мертвеца, которая могла сделать сон спящих беспробудным. Тотчас обвела она братьев мёртвой рукой – они и умерли.

Поутру белая уточка зовёт деток, детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря-кря, мои деточки!
Кря-кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Тёмную ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

– Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

– Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!
Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря-кря, мои деточки!
Кря-кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная.

Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живёт – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал:

– Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся.

Выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он её за крылышко и говорит:

– Стань белая берёза у меня позади, а красная девица –
впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица
стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую
княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, ве-
лели в один набрать воды живящей, в другой – говорящей.
Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящей
водой – они встrepенулись, сбрызнули говорящей – они за-
говорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать,
добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиным хвостам, и лошади раз-
мыкали её по полю. Налетели птицы – мясо поклевали, под-
нялись ветры – кости разметали, и не осталось от неё ни сле-
да, ни памяти!

Пёрышко Финиста – Ясна сокола

19.

06.

ПЁРЫШКО Финниста - Ясна Сокола.

Жил да был старик. Было у него три дочери: старшая и средняя – щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела.

Собрался однажды отец в город и спрашивает у своих дочерей, которой что купить.

Старшая просит:

– Купи мне, батюшка, шёлку на сарафан!

И средняя то же говорит.

– А тебе что, дочь моя любимая? – спрашивает старик у меньшей.

– Купи мне, батюшка, пёрышко Финниста – Ясна сокола.

Отец простился с ними и уехал в город. Старшим дочерям купил шёлку на сарафаны, а пёрышка Финниста – Ясна сокола нигде не нашёл.

Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновками обрадовал.

– А тебе, – говорит меньшей, – не нашёл пёрышка Финиста – Ясна сокола.

– Так и быть, – отвечает она, – может, в другой раз посчастливится.

Старшие сёстры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает:

– Ну, дочки, что вам купить?

Старшая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит:

– Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста – Ясна сокола.

Отец поехал в город, купил два платка, а пёрышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит:

– Ах, дочка, ведь я опять не нашёл пёрышка Финиста – Ясна сокола!

– Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится.

Вот и в третий раз собирается отец уезжать и спрашивает:

– Сказывайте, дочки, что вам купить?

Старшие говорят:

– Купи нам серьги.

Меньшая опять своё:

– Купи мне пёрышко Финиста – Ясна сокола.

«Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста – Ясна сокола»

Отец купил золотые серьги для старших дочерей, бросился искать пёрышка – никто такого не ведает. Опечалился он и поехал из города. Только выехал, а навстречу ему старичок несёт коробочку.

– Что несёшь, старина?

– Пёрышко Финиста – Ясна сокола.

– Что за него просишь?

– Давай тысячу.

Отец заплатил деньги и поехал домой с коробочкой. Встречают его дочери. Отдал он серьги старшим сёстрам и говорит меньшей:

– Ну, дочь моя любимая, наконец и тебе купил подарок, на, возьми!

Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала её целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светёлкам. Пришла и она в свою горницу, открыла коробочку – пёрышко Финиста – Ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие.

Услыхали сёстры и спрашивают:

– С кем это, сестрица, ты разговариваешь?

– Сама с собой, – отвечает красна девица.

– А ну, отопрись!

Царевич ударился об пол и сделался пёрышком. Красна

девица взяла, положила пёрышко в коробочку и отворила дверь. Сёстры и туда смотрят, и сюда заглядывают – нет никого!

Только они ушли, пёрышко снова обернулось царевичем.

Как начало светать, девица открыла окно. Финист – Ясен сокол поцеловал её и говорит:

– Каждую ночь, как позовёшь меня, стану прилетать к тебе, моя милая! А коли понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да махни моим пёрышком в правую сторону – миг перед тобой явится всё, что душе угодно, а в левую взмахнёшь – всё спрячется.

Сказал так, обернулся ясным соколом и улетел в чистое поле. Девушка посмотрела вслед ему, затворила окно и легла почивать.

С той поры каждую ночь стал прилетать к ней добрый молодец, Финист – Ясен сокол.

Вот наступило воскресенье. Старшие сёстры стали к обедне собираться. Наряжаются в сарафаны новые, достают платки нарядные, вдевают серьги золотые да над младшей сестрой подсмеиваются.

– А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету! Сиди дома со своим пёрышком.

Она отвечает:

– Ах, сестрицы, ничего мне не надобно. Мне и дома хорошо.

Отец и старшие сёстры ушли к обедне, а меньшая сидит

у окошка в старом сарафане да смотрит на улицу. Выждала она время, вышла на крылечко, оглянулась, не увидит ли кто, махнула цветным пёрышком в правую сторону – откуда ни возьмись явились перед ней и карета золотая, и платье, и убор из дорогих камней.

Нарядилась красна девица, села в карету и поехала. Вошла в церковь, стала впереди всех. Народ смотрит да дивится, какая такая царевна пожаловала. Не отошла ещё служба, как она вышла из церкви, села в карету и укатила назад. Народ вышел поглазеть, куда она поедет, да не тут-то было. Давно и след её простыл.

И. ВИННИКОВ. 1960

Народ смотрит да дивится, какая такая царевна пожаловала

Подъехала красавица к своему крылечку, махнула пёрышком в левую сторону – миг карета пропала, платья и убора словно не бывало. Сидит она по-прежнему да смотрит в окошко, как народ из церкви по домам расходится. Воротились и отец с сёстрами.

– Ах, сестрица! Какая красавица была нынче у обедни! Просто загляденье: ни в сказке сказать, ни пером описать! Должно быть, царевна из иных земель приезжала – такая пышная, разодетая. А ты дома сидела, с нами не ходила, ничего не видала.

– Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали – всё равно что сама была.

Наступило другое и третье воскресенье; красна девица знай морочит и честной народ, и отца, и сестёр своих. В последний раз стала раздеваться да позабыла вынуть из косы алмазную булавку.

Пришли из церкви старшие сестрицы, рассказывают ей про царевну-красавицу. Глянули на сестру, а у той алмаз так и горит в косе.

– Ах, сестрица! Что это у тебя? Ведь точь-в-точь такая же булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала её?

Красна девица ахнула и убежала к себе в горницу.

А старшие сёстры стали следить за нею да у её светёлки подслушивать.

Ночью прилетает Финист – Ясен сокол к своей девице; пошли у них разговоры весёлые. Сёстры услышали и сейчас к отцу побежали:

– Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает.

Отец встал и пошёл к меньшей дочери, входит в её горницу, а царевич уж давно обратился пёрышком и лежит в коробочке.

– Ах вы, негодные! – накинулся отец на своих старших дочерей. – Что вы на неё понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!

Караулили сёстры, караулили да заметили, как из окна светёлки сокол вылетел. На другой день сёстры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист – Ясен сокол, бился-бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

– Прощай, красна девица! – сказал он. – Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три хлеба каменных изгложешь, чем найдёшь меня, добра молодца!

А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи

неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит – на окне ножи да иглы на-тыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками:

– Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугуновых, запаслась тремя каменными хлебами и пустилась в дорогу искать Финиста – Ясна сокола.

Идёт она через леса дремучие, через пески сыпучие, через высокие горы, через быстрые реки.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугуновый посох изломала и каменный хлеб изглодала. Вышла на полянку. Вдруг видит – стоит перед ней избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается.

Девушка говорит:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом. Мне в тебя лезть, хлеба ести.

Стоит перед ней избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается

Избушка повернулась к лесу задом, а к девице передом. Вошла она в избушку, видит, а в ней лежит Баба-яга Костяная Нога из угла в угол, губы на полке, а нос в потолок врос.

– Фу, фу, фу! – говорит Баба-яга. – Прежде тут русско-го духу видом было не видать, слухом не слышать, а нынче русский дух по вольному свету шатается, воочию является, в нос бросается! Куда путь держишь, красна девица? Долю пытаешь аль от дела лытаешь?

– Ах, бабушка! Был у меня жених, Финист – Ясен сокол, цветные пёрышки. Сёстры мои зло ему сделали. Вот ищу теперь Финиста – Ясна сокола.

– Ну, красна девица, далеко же тебе идти! Финист – Ясен сокол, цветные пёрышки, живёт у синего моря, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве и уж сосватан на царевне. Ну да я тебе помогу.

Баба-яга красну девицу накормила, напоила, спать уложила. Наутро, только свет начал брезжиться, разбудила её и дала дорогой подарок – серебряное донце, золотое веретёнце.

– Ступай теперь, – говорит, – к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок – серебряное донце, золотое веретёнце; станешь кудель пряхь – золотая нитка потянется. Как придёшь ты к синему морю, в тридевятое царство, в тридесятое государство, невеста Финиста – Ясна

сокола выйдет на берег погулять, а ты знай себе пряди; станет она покупать у тебя мой подарочек, так ты, красна девица, ничего не бери, только проси посмотреть на Финиста – Ясна сокола.

Потом взяла Баба-яга клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти:

– Куда клубочек покатится, туда и путь держи!

Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, ещё каменный хлеб изглодан; наконец прикатился клубочек к поляне. На поляне стоит избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается.

Говорит красна девица:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом. Мне в тебя лезти, хлеба ести.

Избушка и повернулась к ней передом. Вошла она в избушку, а там лежит Баба-яга Костяная Нога из угла в угол, губы на полке, а нос в потолок врос.

– Фу, фу, фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух по свету шатается, воочию является, в нос бросается! Куда путь держишь, красна девица? Долю пытаешь аль от дела лытаешь?

Отвечает девица:

– Ах, бабушка! Был у меня жених, Финист – Ясен сокол, цветные пёрышки. Сёстры мои зло ему сделали. Вот ищу теперь Финиста – Ясна сокола.

– Ох, девица, девица! Финист-то твой вот-вот женится! Ну да я тебе помогу.

Баба-яга накормила, напоила красную девицу и спать уложила. Наутро, ещё и солнышко не взошло, разбудила её и дала дорогой подарок – серебряное блюдечко и золотое яичко.

– Ступай теперь, – говорит, – к моей старшей сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок – серебряное блюдечко и золотое яичко. Как придёшь ты на берег синего моря, в тридевятое царство, в тридесятое государство, выйдет невеста Финиста – Ясна сокола на берег погулять, а ты знай себе катай яичко по блюдечку; станет она покупать у тебя мой подарочек, так ты ничего не бери, только проси посмотреть на Финиста – Ясна сокола.

Простилась красна девица со старухой и пошла в путь-дорогу. Шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан и последний хлеб изглодан – прикатился клубочек к избушке. Стоит перед девицей избушка на курьих ножках, туда-сюда поворачивается.

Говорит девица:

– Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, а ко мне передом. Мне в тебя лезти, хлеба ести.

Избушка послушалась и повернулась к лесу задом, а к красной девице передом. В избушке опять лежит Баба-яга Костяная Нога из угла в угол, губы на полке, а нос в потолок врос. Из всех трёх самая старая.

– Фу, фу, фу! Прежде русского духу видом было не видеть,

слыхом не слышать, а нынче русский дух по свету шатается, воочию является, в нос бросается! Куда, красна девица, путь держишь? Долю пытаешь аль от дела лытаешь?

– Ах, бабушка! Ищу я жениха своего Финиста – Ясна сокола, цветные пёрышки.

– Ох, красна девица, бедная твоя головушка! Финист-то твой уж на царевне женился! Ну да я тебе помогу.

Баба-яга накормила, напоила красную девицу и спать уложила, а наутро, ещё и звёздочки на небе не погасли, разбудила её и дала дорогой подарок – золотое пялечко да иголочку – и наказывает:

– Ну, теперь ступай, девица; а вот тебе мой подарок – золотое пялечко да иголочка. Ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Придёшь ты в тридевятое царство, в тридесятое государство, сядешь у синего моря; выйдет к тебе царевна, на которой Финист – Ясен сокол женился, станет покупать у тебя пялечко с иголочкой, так ты ничего не бери, только проси посмотреть на Финиста – Ясна сокола.

Поблагодарила девица старуху и пошла за своим клубочком. Шла-шла, вышла на берег синего моря – широкого и раздольного, – а вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных.

«Знать, это царство Финиста – Ясна сокола», – подумала красна девица. Села она на сыпучий песок, взяла серебряное донце, золотое веретёнце и стала прясть: прядёт – золотая нитка потянулась.

Народ вокруг собрался, дивуется.

Вдруг идёт по берегу царевна с мамками, с няньками, с верными служанками. Увидала красну девицу, остановилась и ну торговать серебряное донце, золотое веретёнце.

– Ах, красна девица! Не продашь ли мне свою забаву?

– Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста – Ясна сокола, я тебе даром уступлю, – отвечает девица.

Рассердилась царевна, но веретёнце-то хочется.

– Хорошо, отдай мне своё серебряное донце, золотое веретёнце. А я уж, так и быть, ночью, когда Финист – Ясен сокол заснёт, покажу его тебе.

Взяла царевна донце и веретёнце, а вечером подмешала в питьё мужу своему, Финисту – Ясну соколу, сонного зелья, чтобы он покрепче спал да подольше ото сна не вставал. После приказала проводить красну девицу к Финисту – Ясну соколу.

Вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах

белокаменных

Долго убивалась девица, долго плакала над милым:

– Проснись-пробудись, Финист – Ясен сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три хлеба каменных изглодала да всё тебя, милого, искала!

А Финист спит, ничего не чувствует. Так и ночь прошла.

Утром царевна прогнала девицу. Финист – Ясен сокол проснулся и говорит царевне:

– Как я долго спал! Всю ночь надо мной кто-то плакал да причитывал, только я никак не мог глаз открыть – так тяжело мне было!

– Это тебе во сне привиделось, – отвечает царевна. – Здесь никого не было.

А красна девица опять пошла на берег моря синего, села на сыпучий песок и катает золотое яичко по серебряному блюдечку.

Увидала царевна золотое яичко да серебряное блюдечко и давай просить: продай да продай.

– Позволь только посмотреть на Финиста – Ясна сокола, я тебе и даром уступлю!

Царевна согласилась, а вечером опять опоила сонным зельем Финиста – Ясна сокола.

Снова красна девица горько плачет над милым:

– Ты проснись-пробудись, Финист – Ясен сокол! Это я,

красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три хлеба каменных изглодала, всё тебя, милого, искала!

И на этот раз, как ни плакала красна девица, как ни будила Финиста, он проспал до утра и ничего не слышал.

Утром царевна прогнала девицу. Финист – Ясен сокол проснулся и говорит царевне:

– Ух, как я долго спал! Здесь кто-то был, всё надо мной плакал да причитывал, только я никак не мог глаз открыть – так тяжело мне было!

– Это тебе во сне привиделось, – отвечает царевна. – Здесь

никого не было.

На третий день пришла красна девица на берег моря синего. Сидит на сыпучем песке печальная, грустная, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает – да такие узоры чудные!

Увидала царевна и ну пялечко торговать.

– Позволь только посмотреть на Финиста – Ясна сокола, – говорит девица, – я его тебе даром отдам!

Царевна согласилась, взяла пялечко. Вечером опять опоила сонным зельем Финиста – Ясна сокола, а после послала она своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует да слёзно причитывает:

– Ты проснись-пробудись, Финист – Ясен сокол! Это я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три хлеба каменных изглодала, всё тебя, милого, искала!

Не просыпается сокол.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щёку её горячая слеза, и он в ту же минуту проснулся. Увидал Финист – Ясен сокол красну девицу и так обрадовался, что и сказать нельзя.

Она рассказала ему, как позавидовали ей злые сёстры, как она странствовала и как торговала с царевной.

Полюбил он её пуще прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел не мешкая созвать бояр и князей. Стал он у них

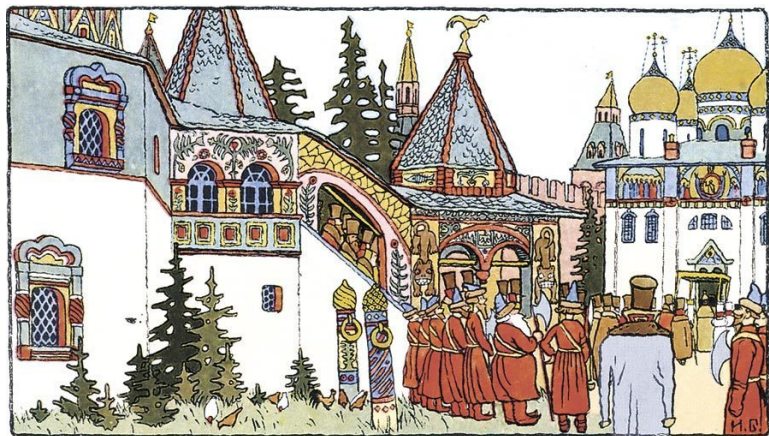
спрашивать:

– Как вы рассудите, с какой женой мне век коротать – с той ли, что меня продавала, или с той, что меня выкупала? С той ли, что для меня прошла через леса дремучие, через пески сыпучие, через высокие горы, через быстрые реки, или с той, что ради забавы от меня отказалась?

Все бояре и князья думали-думали и в один голос порешили: быть ему с тою женой, что его выкупала.

Так и сделал Финист – Ясен сокол, цветные пёрышки.

В трубы затрубили, в пушки запалили, пир собрали, их обвенчали. Свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, а во рту не было.

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под оде-
яла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу. Береги её всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела, – совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днем всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки – не вижу себе никакой радости. Злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в

горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода nanoшена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе, на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!» – а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга. Никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую – чулки вязать, а Василису – прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всём доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, а сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке. Одна из мачехиных дочерей взяла

щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к Бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду!

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок, – мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти, – закричали обе, – ступай к Бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к Бабе-яге. Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

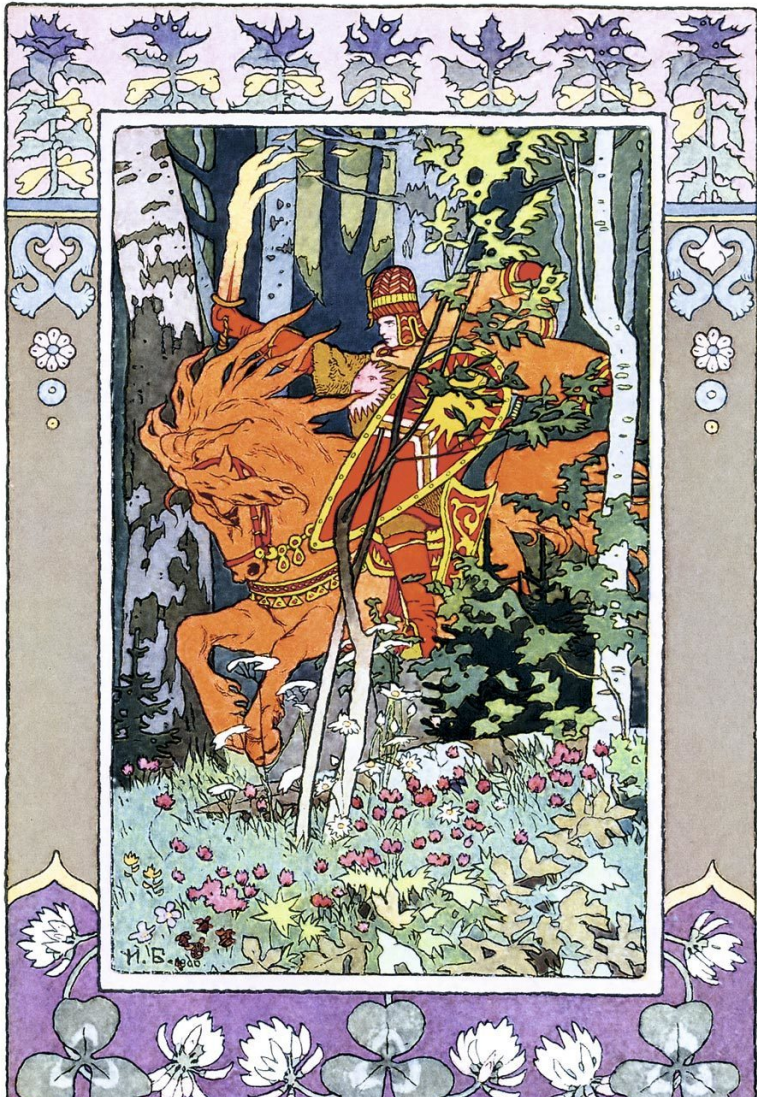
– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо неё всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

У.Б.

Скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Бабы-яги. Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами. Вместо верей [столбов] у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всё чёрном и на чёрном коне. Подскакал к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Н. С. АНДРИЕВИЧ. 1900.

Вдруг скачет мимо неё всадник: сам белый, одет в белом,
конь под ним белый и сбруя на коне белая

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели, выехала из лесу Баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем! – Потом обратилась к воротам и вскрикнула: – Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи; я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать Бабе-яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять. Из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины.

Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всё чёр-

ном и на чёрном коне

Стала Баба-яга спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказа Баба-яга захрапела, а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне Баба-яга работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают. Вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы по-

следние зёрна чернушки.

– Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла!

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы, – состряпай с Богом, да и отдыхай на здоровье!

«Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело, только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет Баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает Баба-яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну, хорошо! – Потом крикнула: – Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку: вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, всё будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куклой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку

масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала Баба-яга. – Стоишь как немая!

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём.

– Спрашивай, только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать – скоро состаришься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела. Когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде. Кто он такой?

– Это день мой ясный! – отвечала Баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет. Это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала Баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё слуги мои верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила Баба-яга.

– Будет с меня и этого, сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состаришься!

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных

ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его: они ведь за этим тебя сюда и прислали.

«Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его»

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня. Сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгло их в уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке. Живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего, я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего. Василиса села за дело – работа так и горит, так и спорится в её руках, и пряжа вы-

ходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, а таких бёрд [ткацких гребней] не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берётся и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы: я всё тебе смастерю.

Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить никому. Понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар. Никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить. Вскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали. Наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты на прясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу. Шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга, вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою, ты будешь моей женою.

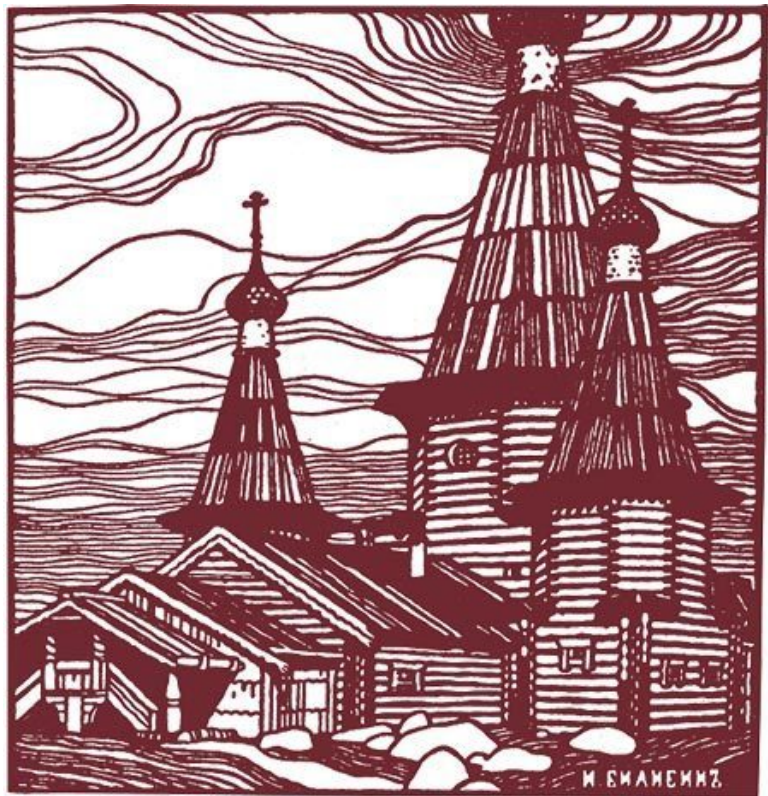
Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Царевна-лягушка

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей. У них было три сына – все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич.

Собрал их однажды царь и говорит:

– Дети мои милые, пора вам жениться. Возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против терема девичьего. Пустил средний брат

– полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла девица-красавица, дочь купеческая. Пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягушка-квакушка.

Попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуш-

ка-квакушка

Говорит Иван-царевич:

– Как же мне за себя лягушку взять? Квакушка не ровня мне!

– Бери! – отвечает ему царь. – Знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке.

Много ли, мало ли времени проходит, призывает их царь и приказывает:

– А ну-ка, которая из невесток хозяйничает лучше всех? Пусть жёны ваши испекут мне к завтраму по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? – спрашивает его лягушка. – Аль услышал от отца своего слово неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб.

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать, утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки хлеб давно готов – и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Обрадовался Иван-царевич, завернул хлеб в полотенце и понёс к отцу.

Царь сначала принял хлеб от старшего сына, посмотрел-посмотрел и отослал на кухню. Принял от среднего и отослал туда же. Принял хлеб от Ивана-царевича, посмотрел и говорит:

– Вот это хлеб так хлеб, его только в праздник есть!

«Вот это хлеб так хлеб, его только в праздник есть!»

Приказал царь подать этот хлеб к царскому столу, снова собрал сыновей и говорит:

– Хочу теперь узнать, которая из невесток лучше всего ручкодельничает. Пусть жёны ваши соткут мне за единую ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

– Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать, утро вечера мудренее!

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать – чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковёр давно готов – и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать! Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами. Обрадовался Иван-царевич, взял ковёр и понёс к отцу.

Царь сначала принял ковёр от старшего сына, посмотрел и сказал:

– Благодарствуй, пригодится у порога постелить!

Потом царь взял ковёр от среднего сына, потрогал и сказал:

– Об этот ковёр хорошо ноги вытирать!

Как развернул свой ковёр Иван-царевич, все так и ахнули.

Царь загляделся, а потом говорит:

– Постелить этот ковёр перед моим царским троном!

И тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово неприветливое?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на пир приходил. Как я тебя в люди покажу?

– Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на пир со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что же ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец за-

трясся. Гости крепко напугались, повскакали со своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, честные гости! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то же делать.

Попили-поели, пришёл черёд плясать. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались.

Махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой
– и поплыли по воде белые лебеди

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми – кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился да и прогнал их.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

– Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоей, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, поклонился на все на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят. Шёл он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – попадается ему навстречу старый старичок.

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

– Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года лягушкою быть. Вот тебе клубок, куда он покатится – ступай за ним смело.

«Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил?»

Иван-царевич поблагодарил старика и пошёл за клубочком. Идёт чистым полем, попадается ему медведь. Нацелился в зверя Иван-царевич, а медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Идёт он дальше, глядь – а над ним летит селезень. Царевич прицелился, хотел было застрелить птицу, как вдруг говорит она человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе когда-нибудь пригожусь.

Он пожалел птицу и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Царевич опять стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел зайца и пошёл дальше – к синему морю. Видит – на песке лежит, издыхает щука-рыба.

– Ах, Иван-царевич, – говорит щука, – сжался надо мною, пусти меня в море.

Он бросил её в море и пошёл берегом. Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке. Стоит избушка на куриных ножках, кругом себя поворачивается.

Говорит Иван-царевич:

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поста-

вила, – ко мне передом, а к морю задом.

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит Баба-яга Костяная Нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

– Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал? – спрашивает Баба-яга Ивана-царевича.

– Ах ты, Баба-яга Костяная Нога! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда бы и спрашивала.

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царе-

вич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

– А, знаю! – отвечает Баба-яга. – Она теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала Баба-яга, в каком месте растёт этот дуб. Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда ни возьмись – прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился. Глядь – за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко. Летит, а за ней селезень бросился; как ударит её – утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо.

Взял Иван-царевич то яйцо и пошёл к Кошееву жилищу. Кощей как увидел яйцо у него в руках, так весь и затрясся. Но сколько ни бился он, сколько ни метался во все стороны, а когда Иван-царевич яйцо разбил, достал иглу да отломил кончик, так и пришлось Кошеею помереть!

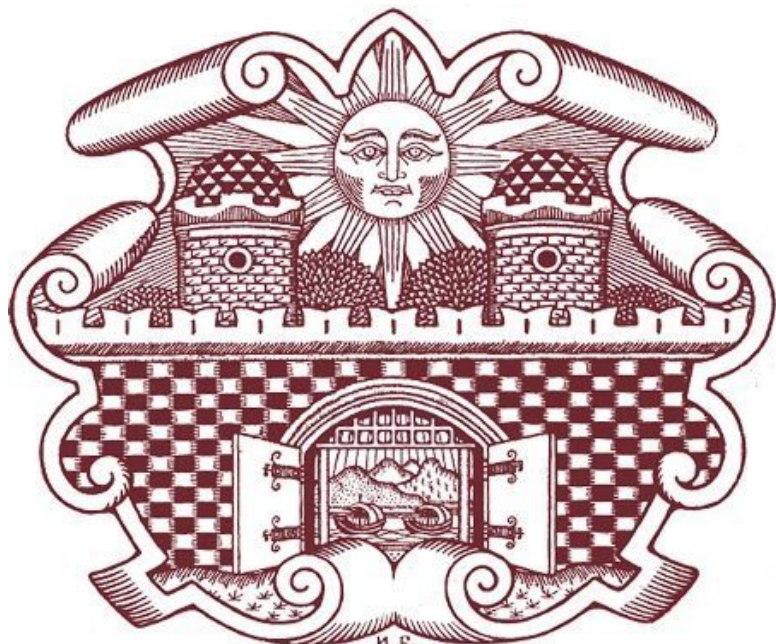
Иван-царевич вошёл в Кошчевы палаты, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

Марья Моревна

И. Б.
1906.

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

– Кто первый за твоих сестёр станет свататься, за того и отдавай – при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошёл с сёстрами во зелёный сад погулять.

Вдруг находит на небо туча чёрная, встаёт гроза страшная.

– Пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился со-

кол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

– Коли люб ты сестрице, я её не унимаю – пусть с Богом идёт!

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унёс её в своё царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами – целого года как не бывало. Пошёл Иван-царевич с двумя сёстрами во зелёный сад погулять. Опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит царевич.

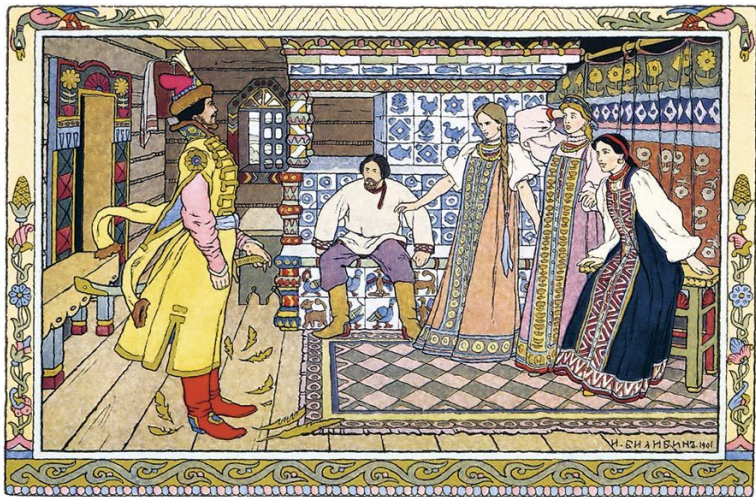
Только пришли во дворец – как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл; ударился об пол и сделался добрым молодцем.

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

– Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт; я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орёл подхватил её и унёс в своё царство.

Прошёл ещё один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

– Пойдём во зелёном саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот ещё лучше.

– Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом; отдай за меня Анну-царевну.

– Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унёс он её в своё государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестёр, и сделалось ему скучно.

– Пойду, – говорит, – искать сестриц.

Собрался в дорогу, шёл, шёл и видит – лежит в поле рать-сила побитая.

Спрашивает Иван-царевич:

– Коли есть тут жив человек – отзовися! Кто побил это войско великое?

«Коли есть тут жив человек – отзовися! Кто побил это войско великое?»

Отозвался ему жив человек:

– Всё это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева.

– Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несёт – по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

– Добрые молодцы по неволе не ездят!

– Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в своё государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает:

– Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

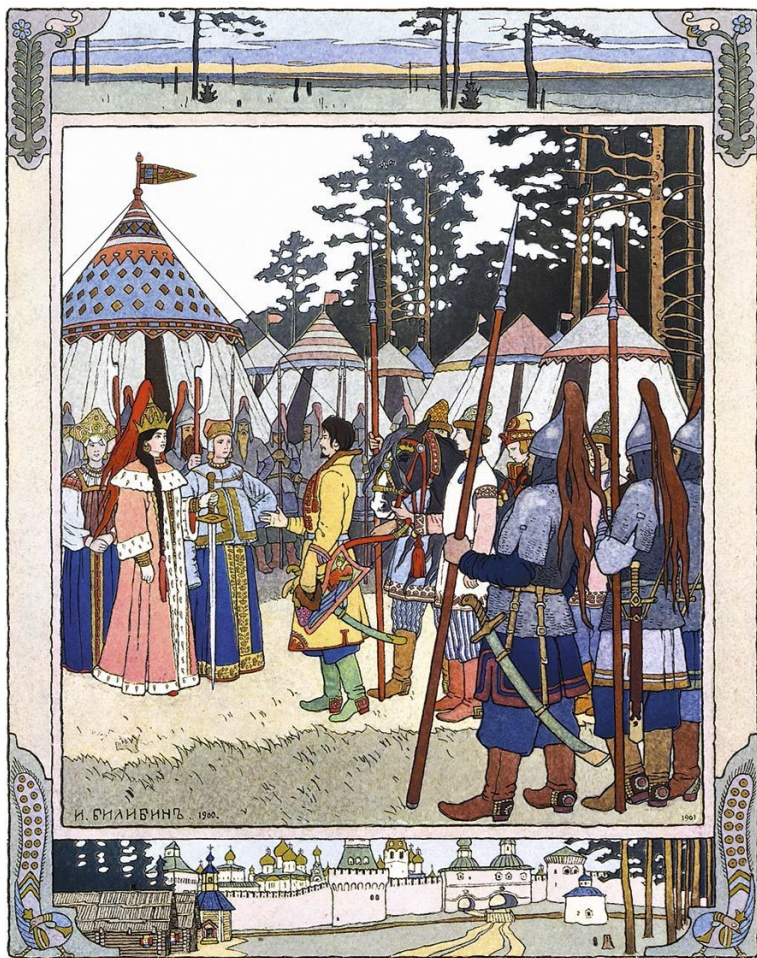
– Сжался надо мною, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и ещё запросил:

– Мне одним ведром не залить жажды; дай ещё!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, потряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

– Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

«Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несёт – по воле аль по неволе?»»

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил её и унёс к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Ах, шурин мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

– Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

– Трудно тебе сыскать её, – отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на неё смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу.

Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец ещё лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит.

Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым

молодцем и закричал:

– Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идёт.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марию Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орёл:

– Трудно тебе сыскать её; оставь у нас серебряную вилку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит.

Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Прощайте! Пойду жену искать – Марию Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

– Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную та-

бакерку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошёл в дорогу. День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

– Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

– Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгону?

Отвечает конь:

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

– Ну, – говорит, – первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прошу, а в третий берегись – на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увёз; а Иван-царевич сел

на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

– Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведём вместе.

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

– А можно ли догнать их?

– Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

– Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял её и увёз к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

– Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты спотыкаешься? Али чувствуешь какую невзгоду?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В то самое время у зятьёв Ивана-царевича серебро почернело.

– Ах, – говорят они, – видно, беда приключилась!

Орёл бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон – за мёртвою.

Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно.

Ворон брызнул мёртвой водою – тело срослось, съедини-
лось; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрог-
нул, встал и говорит:

– Ах, как я долго спал!

– Ещё бы дольше проспал, если б не мы! – отвечали зя-
тля. – Пойдём теперь к нам в гости.

– Нет, братцы! Я пойду искать Марию Моревну.

Приходит к ней и просит:

– Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе та-
кого доброго коня.

Вот Мария Моревна улучила добрую минуту и стала Ко-
щея выпрашивать.

Кощей сказал:

– За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живёт Баба-яга. У неё есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у неё и других славных кобылиц. Я у неё три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то Баба-яга дала мне одного жеребёночка.

– Как же ты через огненную реку переправился?

– А у меня есть такой платок – как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала всё Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к Бабе-яге. Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

– Съем-ка я одного цыплёночка.

– Не ешь, Иван-царевич! – просит заморская птица. – В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше; видит в лесу улей пчёл.

– Возьму-ка я, – говорит, – сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

– Не тронь моего мёду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше; попадаетея ему навстречу

львица со львёнком.

– Съем я хоть этого львёнка; есть так хочется, ажно тошно стало!

– Не тронь, Иван-царевич, – просит львица. – В некоторое время я тебе пригожусь.

– Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрёл голодный, шёл, шёл – стоит дом Бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришёл – по своей доброй воле аль по нужде?

– Пришёл заслужить у тебя богатырского коня.

– Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасёшь моих кобылиц – дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся – торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; Баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

– Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой, а Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц.

– Зачем вы домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали.

– Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро Баба-яга ему говорит:

– Смотри, царевич, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь – быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул.

Солнышко село за лес; прибежала львица.

– Вставай, Иван-царевич, кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошёл домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

– Зачем домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

– Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его Баба-яга кобылиц пасти:

– Если не упасёшь – быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчёлка и говорит:

– Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротисься домой, Баба-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребёнок – в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улёгся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

– Зачем воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у неё паршивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась Баба-яга – паршивого жеребёнка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след за-метает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился, и Баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась!

Иван-царевич откормил жеребёнка в зелёных лугах, стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею.

– Как тебя Бог воскресил?

– Так и так, – говорит. – Поедем со мной.

– Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

– Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Сели они на коня и поехали

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?

– Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

– Нет, не утерплю, – говорит Кощей Бессмертный, – поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклак царевич груды дров, развёл огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич – на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

– Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всём свете поискать – другой не найти!

Погостили они, попиrowали и поехали в своё царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

